

С.В. Морозов

К ВОПРОСУ О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПРЕВЕНТИВНОЙ ВОЙНЕ МАРШАЛА ПИЛСУДСКОГО ПРОТИВ ГЕРМАНИИ В 1933 г.

Рассматривается проблема превентивной войны, угрозой применения которой маршал Пилсудский шантажировал канцлера А. Гитлера в период весны–осени 1933 г. Выдвинута гипотеза, что причиной выхода Германии из Лиги Наций в октябре 1933 г., а также последовавшим вслед за этим внезапным предложением Гитлера заключить пакты о ненападении Франции и Чехословакии, было раскрытие в Берлине незадолго до этого польской шпионской сети, похитившей германский мобилизационный план. Показано, что своеобразной сверхзадачей шантажа Пилсудского было подтолкнуть Берлин на тропу переговоров с целью включения Польши в правовое поле «восточных» планов фюрера.

Ключевые слова: угроза превентивной войной; шантаж Пилсудским Гитлера; «восточные» планы фюрера

Время неумолимо движется вперед, помогая исследователям постигать истинный смысл, казалось бы, уже известных всем событий и проблем. Одной из таковых принято считать так называемую превентивную войну, при помощи которой маршал Юзеф Пилсудский, манипулируя политическими и дипломатическими уловками в отношении Франции и СССР для оказания давления на Берлин, угрожал германскому руководству в течение весны, а затем осенью 1933 г. Рассмотрению данной проблемы польская историография посвятила немало исследований. Первыми были работы польских эмигрантских авторов, положивших начало дискуссии и ставивших либо под сомнение достоверность факта польского предложения Франции совместного военного выступления против Берлина, либо оправдывавших это мероприятие необходимостью сближения с Германией из-за отказа Франции от проведения этой самой превентивной войны [1. S. 108–114; 2. S. 737–740; 3; 4].

К почину незамедлительно подключились историки Польской Народной Республики (ПНР), у которых основной выступала идея о том, что планы ее проведения предназначались для решения не силовых, а политических целей [5. S. 3; 6. S. 225–228; 7. S. 54; 8. S. 5–49]. Даже такой крупный авторитет по внешней политике режима «санации», каковым являлся в эпоху народной Польши Х. Батовский, склонен был относиться к ней чуть ли не как к мифу [5. S. 3; 6. S. 225–228]. А Т. Кузьминский и Е. Козеньский хотя и уделяли ей пристальное внимание, но также рассматривали данную проблему как инструмент Пилсудского, использовавшего ее для демонстрации, с одной стороны, нежелания следовать в курсе западноевропейской политики, а с другой – силы в отношении пришедшего к власти в Германии нацистского руководства [7. S. 54; 8. S. 5–49].

Одним из наиболее «продвинутых» знатоков данной проблемы эпохи ПНР можно считать М. Згурняка, опубликовавшего, среди прочего, ценную информацию из Центрального военного архива касательно армейских мероприятий, предпринимавшихся маршалом весной – осенью 1933 г. [9. S. 189–215]. Не мог обойти её молчанием и такой авторитетный ученый, как М. Войчеховский, ограничившийся дипломатичным упоминанием об «атмосфере, а не стремлении к войне» [10. S. 31–44; 11. S. 105–181]. В той или иной

мере ей уделяли внимание различные польские авторы [12; 13. S. 143–174; 14. S. 142; 15. S. 143; 16. S. 17]. Определенным прогрессом можно считать позицию современного исследователя К. Рака, следующего в курсе мнений, господствующих в польской историографии относительно превентивной войны, но чуть ли не первым среди польских историков выдвинувшего предположение, что Польше могла быть уготована судьба *союзника фюрера* в его восточных планах [17].

В отличие от польских историков, отрицающих серьезность намерений маршала применить в отношении Берлина силу, их немецкие коллеги ни на секунду не ставили и не ставят под сомнение готовность Пилсудского преподать Веймарской республике показательный урок в 1933 г. [18–20]. Крупнейший американский специалист польского происхождения Пётр Вандыч, изучив доступные архивные и иные документы, в том числе и по этой проблеме, не нашел письменных подтверждений предложений маршала французскому руководству провести превентивную войну. Однако ему удалось выявить напряженнейшую работу Пилсудского в этом направлении, а главное его сверхсекретность и меры по дезинформации в работе с одним из своих посланцев на французском направлении в 1933 г. – сенатором Е. Потоцким [21. P. 302; 22. S. 11; 23. S. 81–83].

В отечественной исторической науке данная проблема до настоящего момента не становилась темой отдельного исследования, хотя эпизодически присутствовала в работах тех или иных авторов, которые либо следуют в русле польской историографии [24. С. 91–93], либо, используя рассекреченные в 1990-е гг. архивные материалы, выдвигают совершенно новую гипотезу не только о готовности Пилсудского применить силу в 1933 г., но и о шантаже последним фюрера с целью правовой интеграции Польши в его потенциальные «восточные» планы [25. С. 122–123; 26. С. 7–28]. Данная статья посвящена обоснованию именно упомянутой научной версии.

Прежде, чем перейти к изложению материалов, следует, пожалуй, обратить внимание на некий основополагающий базисный компонент, имеющий непосредственное отношение к полноценному раскрытию данной темы, которым упорно пренебрегали и продолжают пренебрегать польские исследователи и подавляющее большинство отечественных коллег. Речь

идет ни более ни менее как о негласной установке маршала Пилсудского, сформировавшейся у него к концу жизни, поквитаться с Россией за участие в разделах его Отчизны во второй половине XVIII в. Ему виделось воссоздание Великой Польши в ходе теоретически возможного, с его точки зрения, приобщения к реализации комбинаций на «восточном» направлении, подготовленных закулисными «локарнскими стратегами» для Германии [27. С. 84–89; 28. С. 14–87; 29. С. 136–147; 30. С. 49–70; 31. С. 80–84]. Принимая во внимание тот факт, что данным соображением старый конспиратор предпочитал ни с кем не делиться, практически не оставив документальных подтверждений вышеприведенной парадигме, солидаризируясь тем самым с закулисными режиссерами, нам придется применить исследовательский прием чередования документально-историографических свидетельств с гипотетическими выкладками автора.

Начать, пожалуй, следует с того, что административный ресурс для шантажа Берлина угрозой проведения превентивной войны был заложен маршалом в результате майского переворота 1926 г., произведенного им после того, как за два месяца до этого, в начале марта, польский сейм ратифицировал, а президент Станислав Войцеховский подписал один из правовых документов Локарнской конференции – польско-германский *арбитражный* договор [32. С. 302–309]. Последний предусматривал обязательства по изменению взаимных границ Польшей и Германией посредством внешнего арбитра на основе 19-й статьи Устава Лиги Наций. Осознав, что часть польской территории, например, так называемый *польский коридор*, может быть передана Берлину без учета мнения Варшавы, маршал, произведя майский переворот, неофициально сосредоточил в своих руках единоличные бразды правления внешней политикой Польши, сделал тем самым возможным и проведение так называемой *силовой линии* во взаимоотношениях с соседями с целью противодействия попыткам изменения госграниц с Германией при помощи правовых инструментов внешними силами, т.е. закулисными режиссерами.

В качестве одного из первых примеров ее применения можно рассматривать инцидент с польским эсминцем «Вихрь», имевшим место в данцигском порту 15 июня 1932 г., когда тот, воспользовавшись благоприятным моментом в связи с визитом английской эскадры, также вошел туда. В соответствии с решением, которое тамошние власти получили в декабре 1930 г. в Гаагском международном суде, польским кораблям было запрещено использовать этот порт, в связи с чем капитан «Вихря» имел приказ (надо полагать, напрямую от маршала) открывать огонь в случае любых враждебных действий со стороны немецких властей Данцига. Последние не решились на таковые, и дерзость не просто сошла с рук, но и принесла реальный результат. Учитывая предстоящий визит в данцигский порт германской эскадры и стремясь предотвратить возможный польско-германский конфликт, Генеральный секретарь Лиги Наций Э. Друммонд и глава Форин-офиса Д. Саймон, добились от городских властей подписания 13 августа

1932 г. соответствующего документа, разрешавшего польским военным кораблям пользование портом [33. С. 127]. Эту авантюру чистой воды следует рассматривать в качестве своеобразной визитной карточки времен режима «санации», это был один из первых результатов применения маршалом *силовой линии* во внешней политике.

Последовавшие вскоре события на международной арене показали, что данная линия вскоре может подвергнуться модификации в сторону усложнения и укрупнения проводимых комбинаций. В качестве сигнала, свидетельствующего о предстоящих грядущих переменах, можно рассматривать присоединение Франции к «Декларации пяти держав» от 11 декабря 1932 г. о предоставлении Германии и другим странам, которых касались парижские постановления о разоружении, «равноправия в вооружениях в рамках системы безопасности, одинаковой для всех» [34. С. 138–139]. Когда же французский парламент 14 декабря проголосовал за то, чтобы не возвращать военные долги США [34. С. 111–113], то у Пилсудского появились весомые основания, дабы растолковать этот шаг как следствие сговора влиятельных финансовых воротил с частью французских правящих кругов. Париж, еще в период Локарно показавший свою несостоятельность в качестве защитника интересов младших западнославянских партнеров, вновь продемонстрировал непоследовательность своей позиции в отношении Берлина, чем поставил под сомнение свою надежность в качестве союзника. В Варшаве маршалом было незамедлительно проведено совещание Совета министров и высших армейских офицеров, где было принято решение об определенной корректировке польской внешнеполитической линии в пользу сближения с Германией [35. С. 173].

Однако Берлину, находившемуся после вхождения осенью 1925 г. в «рейнский гарантийных пакт» на более высокой ступени в иерархии международных отношений по сравнению с Варшавой, было не с руки подписание с последней какого-либо политического договора. На этот случай в колоде маршала был заготовлен козырный на тот момент туз – соотношение военных сил Польши и Германии. По условиям Версальского договора Веймарская республика была ограничена цифрой 100 тыс., а ряды Войска Польского насчитывали более 300 тыс. человек [33. С. 128]. Именно данный фактор позволял обеспечить маршалу победоносный исход потенциального военного противостояния в тот период. Возникает вопрос, насколько серьезно германские военные учитывали возможность возникновения вооруженного конфликта с Польшей? Факты свидетельствуют, что последние до такой степени опасались подобной возможности, что на случай развертывания военных действий с Польшей был разработан *мобилизационный план*, единственно существовавший на тот момент у германского военного руководства [36. С. 13].

Другими словами, на случай упрямства и нежелания Берлина идти на политическое сближение с польскими партнерами у последних, в лице маршала, единолично распоряжавшегося внешней политикой государства, потенциально были возможности

для неотразимого аргумента в виде сначала угрозы, а затем и нанесения превентивного военного удара по германской территории, дабы подтолкнуть Берлин к заключению политического соглашения. Однако вот так вот взять и под носом у Англии и Франции начать выворачивать руки или тем более накустылять их собрату по «рейнскому гарантийному пакту» Германии, было все-таки неким «перебором», вследствие чего маршал решил использовать многоходовую комбинацию. С ее помощью предполагалось, с одной стороны, оказывать силовое давление на Берлин, а с другой – при помощи различных политических и дипломатических маневров создать впечатление у последнего, дабы сделать более сговорчивым, о военно-политическом сближении Варшавы с Парижем и Москвой.

11 января 1933 г. во французскую столицу прибыл сенатор Е. Потоцкий со сверхсекретным заданием маршала и провел встречу с премьер-министром Ж. Поль-Бонкурром [37]¹. Несмотря на соблюдение сановным посланцем всех мер предосторожности, предписанных «комендантом», содержание разговора впоследствии стало достоянием гласности. Оказывается, особый посланец маршала привез с собой личное послание с настойчивой просьбой сообщить мнение Франции относительно своевременности превентивной войны против Германии. Речь шла «о 5 польских армейских корпусах, которые в случае необходимости могли бы вступить в Восточную Пруссию и остановиться на Одере, в то время как Франция должна была бы оккупировать часть Рура, а Англия – лишь ожидать второго этапа операции». По мнению известной, хорошо информированной и вхожей в высшие властные круги французской журналистки Ж. Табуи, послание было составлено таким образом, чтобы вызвать отказ Франции, который можно было бы использовать в качестве предлога для политического сближения Польши с Германией [35. С. 176]. Таким образом, первый шаг в далеко идущей и многоходовой комбинации был предпринят.

Приход 31 января 1933 г. к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером с его оголтелой риторикой территориальных захватов способствовал росту активности его сторонников в Данциге, предпринявших антипольский выпад, приведший в свою очередь к новому штриху в силовой линии маршала. 16 февраля 1933 г. данцигский сенат без согласия портового совета, в котором были и представители Польши, принял решение о роспуске портовой полиции, заменив ее городской [40. S. 46]. Не на шутку осерчавший маршал решил принять адекватные меры, и 5 марта, когда выборы в германский рейхстаг принесли победу нацистам, в ту же ночь на полуострове Вестерплатте² был высажен польский военный отряд численностью 200 человек. М. Войчеховский назвал это действие «аферой на Вестерплатте», необходимой для того, чтобы «предостеречь и оказать давление на Гитлера и одновременно дать ответ западным державам, питавшим благосклонность к германским реваншистским требованиям» [10. S. 24].

Предпринятая маршалом силовая акция вновь принесла плоды. Вопрос о высадке польского десанта на Вестерплатте был поставлен в Совете Лиги Наций, где под нажимом Англии и Франции Польша уступила, добившись, однако, в качестве компенсации отмены решения данцигского сената, изъявшего портовую полицию из ведения особого портового совета, в котором имелись польские представители. Президент сената Вольного города Данцига Цим обещал принять достаточные меры, гарантирующие польские права в Данциге, а министр иностранных дел Бек заявил в ответ о готовности вывести войска с Вестерплатте, что и было предпринято 16 марта 1933 г. [41. С. 870]³.

Для усугубления пушего эффекта с высадкой десанта одновременно были предприняты шаги для устрашения упрямого германского канцлера и во французскую столицу направился второй по счету посланец. «В марте 1933 г. польский маршал Пилсудский информировал французское правительство о том, что Германия в нарушение Версальского договора усиленно вооружается; немцы мечтают о реванше. Маршал предлагал принять меры против этой опасности, – одни лишь дипломатические представления Берлину не могут достигнуть цели. Пилсудский заявлял, что польские войска готовы в любой момент выступить против немцев, если Франция поддержит Польшу в случае польско-германского военного столкновения. Французская дипломатия дала Пилсудскому отрицательный ответ» [42. С. 471]⁴.

Не успел польский десант покинуть Вестерплатте, как на международной арене была обнародована столь значимая по своим возможным последствиям для Варшавы инициатива, что маршалу пришлось в срочном порядке думать о мерах по интенсификации подготовки превентивной войны. Из итальянской столицы поступило предложение о создании так называемого директората четырех держав, более известного в научной литературе как *пакт четырех*. Компетенция нового органа, в состав которого должны были войти Англия, Италия, Франция и Германия, была столь широка, что включала даже пересмотр условий существующих международных договоров. «Коменданту» не нужно было долго объяснять, что предлагаемая структура, куда, как и в «рейнский гарантийный пакт», вновь позабыли включить Польшу, есть не что иное, как тот самый *арбитр*, которому, возможно, предстоит применить положения польско-германского арбитражного договора и на основе 19-й статьи Устава Лиги Наций провести новую границу, передав, к примеру, *польский коридор* Германии.

28 марта глава варшавского МИД Ю. Бек передал английскому послу заявление о том, что лишенная возможности судить точно о проекте данного «пакта», так как текст ей не был сообщен, Польша «считает этот проект противоречащим духу и букве пакта Лиги Наций» и оставляет за собой свободу действий» [44. Л. 10]. Поскольку, как уже известно, польские инициативы не встретили поддержки в Париже, маршал взялся за дело серьезно. Стараясь максимально привлечь внимание, он провел встречи с высшим военным руководством, поручил рассмотреть план проведения превентивной войны Главному штабу, который

и произвел соответствующие подготовительные мероприятия. В начале апреля 1933 г. были сконцентрированы войска на польско-германской границе в Сувалках и в «коридоре», куда были передислоцированы с советско-польской границы части Корпуса охраны границы. Военные действия планировалось начать вскоре после апрельских выборов в Данциге, на которых, по предположению военных, должны были победить нацисты. Это привело бы к внутренним беспорядкам и тогда «было бы трудно выяснить, кто является зачинщиком, а кто нет». Также в течение апреля были проведены штабные учения, военные сборы, проведена пробная мобилизация [7. S. 55; 9. S. 202; 41. С. 210, 223; 45].

Германская сторона не на шутку была встревожена. В сообщениях посланника в Варшаве Г. фон Мольтке от апреля 1933 г. указывалось на растущую напряженность. Опытный дипломат не исключал возможность *превентивной войны* и полагал, что «пакт четырех» и страх перед перевооружением Германии могут стать весомыми доводами в пользу того, что Польша может решиться на подобного рода меру. Поэтому он рекомендовал Берлину избегать любых действий, способствующих ухудшению ситуации, поскольку был уверен, что пересмотр границы был невозможен до перевооружения Германии [9. S. 202; 43. S. 43; 46. № 180, № 192].

Генерал Вильгельм Адам, тогдашний глава *Türrenamt*, т.е. Генерального штаба, в мемориале, представленном правительству, поделился тревожным настроением, царящим среди генералов, вызванным польскими военными приготовлениями. Он заявил, что в настоящий момент Германия не может вести войну с Францией и Польшей, тем более с учетом выступления Чехословакии. Оборона по линии Одера была бы возможна при условии наличия боеприпасов, в то время как их текущих запасов хватило бы только на 14 дней. В связи с этим Германия была способна только проводить локальные контратаки, Восточную Пруссию пришлось бы оставить на произвол судьбы, и даже линию Одера не удалось бы сохранить, если бы Чехословакия приняла участие в военных действиях. «Мы не можем вести войну. Мы должны сделать все, чтобы предотвратить её, даже ценой политических уступок». Командующий вооруженными силами генерал фон Хаммерштейн занял аналогичную позицию. 7 апреля глава МИД К. фон Нейрат выступил с речью о политической ситуации в Германии на заседании правительства. Он заявил, что неизбежную опасность превентивной войны нельзя недооценивать. Действительно, Германия не может отказаться от пересмотра границ на Востоке, но этот вопрос может найти только общее, а не частичное решение. В связи с этим пересмотр границ может иметь место только тогда, когда рейх станет сильнее в политическом, военном и финансовом отношении [18. S. 80; 9. S. 203].

Гитлер не мог не учитывать позиций генералов и главы Вильгельм-штрассе и попытался публично уличить поляков в вынашивании недобрых замыслов. Через вице-канцлера Ф. фон Папена было публично заявлено об агрессивных намерениях Польши, а «де-

душка»⁵ в ответ через «Газету Польску» публично опроверг подобные намерения (ведь официальных письменных предложений о проведении превентивной войны предусмотрительно составлено не было), напомнив при этом о предложенном Польшей пакте о ненападении [44. Л. 13].

Поскольку ответа не последовало, то маршал вновь активизировал французское направление. «В апреле 1933 г. польский посол в Париже передал французскому правительству новый меморандум о вооружениях Германии, прямо предлагая обсудить вопрос о превентивной войне, чтобы воспрепятствовать вооружению Германии и силой оружия укрепить пошатнувшуюся версальскую систему». Однако новый премьер Даладь отклонял все эти предложения⁶ [42. С. 472].

Для того чтобы сделать Берлин более уступчивым и оказать на него дополнительное давление, было решено наряду с парижским задействовать и московское направление. Еще ранее в зарубежной и значительной части польской прессы, дипломатических кругах была создана атмосфера наличия существования (виртуального – *С.М*) секретного польско-советского антигитлеровского пакта. К началу апреля этот процесс набрал значительные обороты, свидетельством чего можно рассматривать письмо члена Коллегии НКВД Б. Стомонякова полпреду в Польше В.А. Антонову-Овсеенко. «В прессе разных стран появляются неверные сообщения, исходящие в основе из польских источников, о заключении между Польшей и СССР далеко идущих соглашений и об установлении единого фронта Польши и СССР против Гитлера. Дело доходит до того, что полуофициальные представители польского правительства, вроде Литауера, и корреспондент ПАТ или «Газеты Польской», не стесняясь присутствия первого секретаря полпредства т. Голоконского, уверяли английских собеседников в наличии соглашения между Польшей и СССР, позволяющего первой сосредоточить свои силы против Германии. Аналогичное заявление было сделано недавно одним из французских депутатов на заседании комиссии по иностранным делам палаты депутатов. Во всей Прибалтике твердо распространено убеждение, что Польша и СССР окончательно договорились и что вследствие этого заключение блока между прибалтами и Польшей не может быть направлено против СССР, а исключительно против Германии. Даже такой политик, как Циеленс, заявляет об этом открыто, ссылаясь многозначительно на то, что он имеет абсолютно аутентичную информацию о полной договоренности между Польшей и СССР» [41. С. 218].

Следует полагать, что в результате совокупности проведения военно-тактических мероприятий, политических маневров на парижском и московском направлениях к концу апреля атмосфера грядущей *превентивной войны* была создана настолько убедительно, что маршал решил разыграть решающую сцену на дипломатической арене, которая должна была убедить германского канцлера в серьезности намерений Варшавы и добиться от него проведения некоего действия, позволившего бы начать процесс взаимного сближения.

1 мая 1933 г. Пилсудский в присутствии Бека принял полпреда СССР Владимира Антонова-Овсенко, избегая в разговоре с ним затрагивать политические темы, а 2 мая польский посланник в Берлине Альфред Высоцкий⁷, явно разыгрывая советскую карту, поставил перед германским канцлером в ультимативной форме вопрос о дальнейших польско-германских отношениях. Подобный демарш и в такой же форме произвел в Варшаве министр Бек относительно германского посланника Г. фон Мольтке [44. Л. 13]⁸.

Вскоре было опубликовано официальное коммюнике, в котором говорилось, что беседа касалась текущих вопросов польско-германских отношений. Среди прочего германский канцлер заявил о твердом желании германского правительства строго придерживаться существующих договоров в своих взаимоотношениях с Польшей [49]. После этого Бек принял фон Мольтке и во время беседы подтвердил ему, что польское правительство решило сохранить свою позицию и свое поведение строго в рамках действующих договоров. Затем польский министр выразил желание, чтобы оба государства рассмотрели и обсудили взаимно интересующие вопросы, соблюдая спокойствие [50]. Таким образом, маршал добился важного результата – официального заявления германского правительства о неизменности польско-германских границ, опасность, грозившая *коридору*, была устранена. Теперь можно было предпринимать шаги к взаимному сближению. По мнению В. Антонова-Овсенко: «Демаршем 2-го мая Польша, уже используя улучшение с Советским Союзом, вступила на путь непосредственных переговоров с Германией» [44. Л. 14].

8 мая Пилсудский встретился и имел беседу с германским военным атташе, генералом Шиндлером [11. S. 44; 18. S. 131], а 17 мая 1933 г. фюрер выступил с заявлением, что ни одно германское правительство не нарушит по собственной инициативе договоров, заключенных в 1919 г. [51. S. 21; 52. P. 365–367]. Вступив на тропу польско-германского сближения, маршал мог на время позволить себе сделать перерыв в проведении *силовой линии* в отношении своего германского визави и предпринять уместные для данного этапа организационные шаги. Вскоре германскую столицу покинул посланник А. Высоцкий, а в августе на эту должность прибыл начальник Западного отдела варшавского МИД Юзеф Липский, начавший прилагать значительные усилия для устранения существовавшего между Польшей и Германией недоверия [7. S. 64–66].

В Польше сторонники сближения с Берлином на почве возможного взаимодействия на Востоке также не сидели сложа руки. В конце августа 1933 г. экс-глава МИД князь Э. Сапега, представитель близкой к пилсудчикам политической группировки земельных магнатов, тесно связанный с персонами, определявшими польскую внешнеполитическую линию, сделал доклад. В нем была, по сути, изложена *программа превращения Польши* в «великую державу путем колониального освоения территорий и природных богатств Советского Союза». В реализации данной программы любезно приглашали принять участие Евро-

пу, после чего докладчик резюмировал: «Реальной нашей задачей должно быть договориться с нашим западным соседом» [24. С. 122].

Берлин не остался равнодушным, и глава тамошнего МИД К. фон Нейрат во время сессии Совета и Ассамблеи Лиги Наций в Женеве предложил своему польскому коллеге Ю. Беку встретиться. Это был тот самый долгожданный шанс, которого последовательно добивался маршал Пилсудский. 25 сентября 1933 г. Бек провел рандеву с Нейратом, а 26 сентября – с министром пропаганды Третьего рейха Й. Геббельсом. Во время бесед выяснилось обоюдное стремление к дальнейшему сближению, которое должно было носить исключительно двусторонний характер. Не допускалось какое-либо привлечение к нему третьих стран или международных организаций. Хотя при первом свидании глав санационного и нацистского внешнеполитических ведомств вопрос о координации совместной деятельности на восточном направлении не был затронут, «заинтересованные правительства уже тогда рассматривали польско-германское сближение в ракурсе их планов в отношении СССР» [24. С. 130].

Казалось бы, все идет как по маслу, и процесс польско-германского сближения помчится вперед со скоростью курьерского поезда. Однако вскоре произошло неожиданное. Воспользовавшись обнародованием нового британского плана, предусматривавшего, что Германия получит равенство только через 4 года, Гитлер направил 14 октября телеграмму Гендерсону, объявляющую о том, что Германия покинет Конференцию по разоружению, а пять дней спустя (19 октября 1933 г.) рейх и вовсе вышел из Лиги Наций. Официально Гитлер заявил, что Германия не допустит, чтобы к ней относились как к меньшинству, и призвал к проведению выборов в рейхстаг, которые должны были стать плебисцитом в поддержку этого шага [9. S. 206].

Польская историография, пытаясь комментировать данное действие, склонна солидаризоваться во мнении касательно коварных и агрессивных замыслов фюрера [7. S. 64–66]. Однако есть серьезные основания полагать, что в основе данного исключительного, во многом неожиданного и нелогичного шага лежал шок, испытанный впечатлительным германским канцлером в связи с раскрытием, приблизительно в это время, последствий деятельности шпионской сети резидента польской разведки в Берлине майора Е. Сосновского. Любвеобильный военный посредством барышень-секретарш умудрился умыкнуть из сейфов Генерального штаба тот самый, существовавший в единственном экземпляре, *мобилизационный план*, охватывавший польское направление [25. С. 124].

На деле выходило, что поляки, убеждая фюрера в искренности своих намерений в деле совместного сотрудничества на Востоке, самым что ни на есть коварным способом сделали беззащитной его горячо любимую родину. Гитлер, бывший по своей природе неврастеником и имевший склонности к истерикам, одновременно имел мелкую, злобную и мстительную натуру, требовавшую непременно возмездия за содеянное. В прошлом художник, а последние, как из-

вестно, имеют тонкую и чувствительную психику, он возомнил, что против его униженного Версальским договором фатерлянда ополчился весь мир и, не имея соответствующего инструментария для нанесения точечного удара, отомстил всему миру, выведя Германию из Лиги Наций.

Предприняв столь нелогичный шаг, фюрер тем самым вверг страну в состояние изоляции. Осознав это и не желая иметь дела со столь ненадежным, с точки зрения политической последовательности, партнером, фюрер не замедлил предложить, в пику польскому руководству, пакты о ненападении Чехословакии и Франции, однако те предпочли не связывать себя с данной инициативой [7. S. 65–67].

А вот маршал не замедлил воспользоваться оплошностью своего менее искушенного в международных интригах и впечатлительного партнера и приступил к продолжению проведения *силовой* линии в отношении Берлина по уже имевшему место в прошлом сценарию. Последний, как известно, включал следующие элементы: демонстративные совещания с военными, концентрация войск и проведение учений; политические маневры в отношении Парижа и Москвы с целью оказания давления на Берлин; дипломатический ультиматум, предъявленный бы в устной форме молодому и, пока еще не слишком опытному, канцлеру.

Осознав, что теперь рыбка уж наверняка не сорвется с крючка, Пилсудский уже 21 октября, посоветовавшись с Беком и начальником Главного штаба Гонсиоровским, потребовал подготовить подробный доклад о состоянии германских вооружений, куда были бы включены и данные *французской разведки*, не были забыты и военные учения с участием армейских подразделений [21. P. 302; 43. S. 81–82].

На следующий день Бек передал пожелание маршала французскому послу Ж. Лярошу, объяснив, что этот жест следует рассматривать не как эмоциональное проявление, а как стремление дать серьезную оценку возможным последствиям германского шага. Французский дипломат поспешил передать эту просьбу в Париж, указав, что впервые военные приготовления Пилсудского в отношении Германии носят столь явный характер и речь идет о взаимодействии польского и французского высших штабов [53. P. 136; 54. P. 623–625]. Прибывший вскоре из Парижа в Варшаву полковник Кельц привез необходимые документы, которые были переданы Пилсудскому в обмен на германские секретные документы, включавшие и *мобилизационный план*¹⁰ [21. P. 302]. Однако, по мнению Ляроша, стремление Варшавы к углублению военного сотрудничества с Парижем вовсе не означало, что она сойдет с пути, ведущего к сближению с Берлином [53. P. 136; 54. P. 673]. Дальнейшие шаги Пилсудского подтвердили это предположение.

Маршал счел необходимым активизировать второй этап силового сценария и подключить французское направление. Он дал поручение Людвигу Морштину, писателю, который когда-то был офицером связи при маршале Фоше и имел хорошие отношения с генералом Вейганом, отправиться в Париж с конкретной миссией – получить от французского прави-

тельства ответ на два вопроса¹¹. Объявит ли Франция всеобщую мобилизацию в случае германской атаки на польско-германскую границу? Сконцентрирует ли Франция все свои воинские подразделения на франко-германской границе? После того, как Вейган передал их Поль-Бонкуру, кабинет министров известил о своей позиции – в случае польско-германского военного конфликта Франция готова оказать Польше помощь оружием и обмундированием, продолжать взаимодействие между генеральными штабами и оказать политическую поддержку¹² [56. S. 161–166].

На московском направлении для устрашения Берлина на этот раз был использован визит летной эскадрильи во главе с начальником польской авиации полковником Райским. Экипажи долетели до Минска, но ввиду нелетной погоды летчики проследовали до Москвы поездом, где присутствовали на параде 7 ноября на Красной площади. До 12 ноября они посетили, среди прочего, Тушинский аэродром, Академию РККА, имели встречи с замнаркомом М.Н. Тухачевским и Н.Н. Крестинским, посетили концерты, выставки и т.д.¹³ [41. С. 868].

Одновременно в течение первой декады ноября в Берлине и Варшаве с обеих сторон могли иметь место эпизоды взаимного зондажа. Так, ходили слухи, что полковник Стежинский мог встречаться с министром пропаганды Геббельсом, а берлинский журналист Зибург – с министром Беком, а возможно даже с маршалом [41. С. 690]. Это, однако, не помешало последнему продолжать неуклонно проводить элементы своей *силовой* линии в соответствии с уже известным сценарием. Приближалось время его завершающего этапа – предъявление дипломатического ультиматума.

Вызванный из Берлина Липский 2 ноября имел встречу с маршалом, который на следующий день вызвал Бека [41. С. 693]. 5 ноября Липский получил от Пилсудского соответствующие инструкции. Смысл их был таков: сообщить Гитлеру, что безопасность Польши зависит от двух обстоятельств – прямых отношений между обеими странами и Лиги Наций как своеобразного гаранта. Уход Германии из Лиги Наций лишил Польшу этого второго элемента защиты, и умудренному опытом польскому дипломату предстояло задать вопрос германскому канцлеру, как Берлин собирается компенсировать Варшаве его потерю. Если господин Гитлер предложит пакт о ненападении, то Пилсудский намерен рассмотреть его весьма серьезно и тогда Беку придется тяжело потрудиться на ниве переговоров. Если же этого не произойдет, то Пилсудский, как главнокомандующий вооруженными силами Польши, «будет серьезно обеспокоен» [43. S. 84–85; 57. S. 270–271].

По утверждению главного редактора «Газеты Польской» Медзиньского, вопрос был поставлен ребром, в духе 1927 г. литовцу Вольдемарасу – «мир или война?». На случай неудовлетворительного ответа был заготовлен приказ по войскам прикрытия западных границ. Об этом решении маршала знали до 15 ноября лишь трое – Липский, Бек, маршал. Ничего не знал министр Нейрат, для которого полной неожиданностью явилась постановка вопроса Гитлеру Липским¹⁴ [41. С. 670].

По окончании встречи Гитлера с Липским 15 ноября 1933 г. агентство Вольфа опубликовало официальное коммюнике, в котором говорилось, что обмен мнениями выявил «единодушное намерение обоих правительств разрешить вопросы, касающиеся обеих стран, путем непосредственных переговоров и в целях укрепления мира в Европе отказаться от применения всякого насилия в отношении друг друга» [41. С. 869]. Текст данного коммюнике впоследствии почти полностью будет включен в «Декларацию о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией» [58. С. 41–42].

Таким образом, применение *силовой линии* себя оправдало, и маршал Пилсудский добился от рейхсканцлера Гитлера желаемого результата – 26 января 1934 г. вышеупомянутую декларацию подписали Липский и Нейрат. Польско-германское сближение произошло, а через месяц – 25 февраля – за «пактом Липский–Нейрат» будет сокрыт секретный «пакт Гитлер–Пилсудский» о пропуске через польскую территорию германских войск [25. С. 211]. Оба документа интегрируют Польшу в восточные планы германского фюрера, в ходе реализации которых, по мнению «дедушки», должно будет непременно произойти воз-

рождение Великой Польши за счет раздела советской территории.

В теоретическом плане можно утверждать, что *силовая линия* реализовалась маршалом схематично и поэтапно. Структура ее, как было показано выше, состояла из четырех элементов – концентрации армейских корпусов в польском коридоре, на границе с Восточной Пруссией и на западе; политического маневрирования на парижском и московском направлениях с целью оказания дополнительного давления на Берлин; предъявления дипломатического ультиматума.

Касательно этапов, то на сегодняшний день можно говорить о двух – весеннем и осеннем. Весенний продолжался в течение марта – апреля и завершился ультиматумом посланника Высоцкого и заявления Гитлера о намерении Германии строить отношения с Польшей в рамках существующих договоров. Осенний длился в течение второй половины октября – середины ноября до предъявления ультиматума посланником Липским и опубликования коммюнике 15 ноября. М. Згурняк, правда, утверждает, что в декабре якобы имела место еще одна попытка угрозы проведения превентивной войны маршалом, но убедительные доказательства, на наш взгляд, к настоящему моменту не приведены [9. С. 211].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Французский посол в Варшаве Ж. Лярош 15 января в донесении Бонкуру, совмещавшему также пост главы МИД, упомянул о своей встрече с министром Ю. Бекем, которого проинформировал, что «осведомлен о беседе Вашего Превосходительства [то есть Бонкура] с гр[афом] Потоцким» [37. Р. 451–453]. В сноске данного сборника указано, что документ с содержанием беседы не сохранился. Сам Потоцкий позднее сообщил, что накануне нового года Бек вызвал его в Варшаву, где в Бельведере состоялась встреча с «комендантом», от которого получил некое секретное распоряжение. Ему предстояло незамедлительно отправиться в Париж, представиться тамошнему послу А. Хлаповскому и, не сообщая о цели визита, попросить последнего, с которым Потоцкий был в дружественных отношениях, об устройстве встречи с Бонкуром. Согласно записке Потоцкого, переданной вдовой последнего историку П. Вандычу, сенатору предписывалось сообщить личную точку зрения маршала на некие махинации западных государств, стремившихся под влиянием Бенеша нейтрализовать Польшу в дебатах Лиги Наций, касательно проблем разоружения. Потоцкий также упомянул, что все детали данного поручения «коменданта» ему пришлось *выучить наизусть* ввиду запрета сделать какие-либо заметки [38. С. 81–83]. Ничтожность заявленной сенатором темы устного сообщения в совокупности с предпринятыми мерами секретности могут свидетельствовать о серьезной попытке скрыть истинную цель визита.

² Полуостров, образующий залив данцигской бухты и расположенный у входа в данцигский порт.

³ Одновременно с высадкой десанта на Вестерплатте были приведены в состояние боевой готовности части VIII корпуса, дислоцированного в Поморье [12].

⁴ На этот раз устное предложение о проведении превентивной войны против Германии доставил в Париж адъютант и фаворит маршала генерал Б. Венява-Длугошовский, которому, однако, с такими крупными французскими военными, как генералы Вейган и Гамелин, встретиться не удалось. Весть о новом польском предложении проникла в верхи, и в кулуарных разговорах такие видные политики, как Бонкур и Даладье, высказывали определенное беспокойство в связи с предлагаемой превентивной войной, а кто-то уже рассматривал десант на Вестерплатте как ее некий подготовительный инцидент [1. С. 108–114; 2. С. 738–739; 42. С. 12].

⁵ Одно из прозвищ Пилсудского, которым пользовалось его окружение.

⁶ Видный французский политик Кайо не замедлил сказать советнику польского посольства: «Не подталкивайте нас к войне. Этот номер не пройдет» [42. С. 12].

⁷ Поначалу эту миссию планировалось поручить замминистра Е. Шембеку, но затем выбор пал на Высоцкого [9. С. 203].

⁸ По утверждению М. Згурняка на случай провала переговоров был заготовлен проект указа «На случай войны с Германией», который был найден в документах Пилсудского после его смерти, и имевший якобы подпись (*sic!* – С.М) президента И. Мосцицкого [9. С. 203; 46; 47].

⁹ Штабные учения почти всех крупных подразделений сухопутных войск проводились в местах, где они должны были быть сосредоточены в случае войны с Германией. В непосредственной близости от западной и северной границ действовали штабы 21 из 30 пехотных дивизий мирного времени и 11 из 13 кавалерийских бригад. В основе же плана проведения превентивной войны могла использоваться схема, разработанная в 1926 и дополненная в 1930 г. генералом Орлиш-Дрешером [9. С. 207; 45].

¹⁰ Выходит, что Пилсудский намеренно пригласил в Варшаву представителя французской разведки, дабы иметь возможность передать ему германский мобилизационный план, сделав позднее данный факт достоянием гласности и тем самым успокоить фюрера.

¹¹ В. Енджеевич указывает приблизительную дату его поездки 5 ноября 1933 г. [55. Р. 86].

¹² Известный американский исследователь франко-польско-чехословацких отношений 1920–1930 гг. ХХ в. П. Вандыч мимоходом ставит как бы под сомнение этот визит, отмечая, что не нашел каких-либо следов миссии Морштина во французских архивах, включая личный дневник Вейгана, однако сразу же отмечает, что в связи со слухами о превентивной войне в «Ревю Хебдомаде» от 29 октября 1933 г. появилась статья Жана-Луи Фарэ. Автор возмущенно восклицал, что поляки не имеют никакого права обращаться к Франции с просьбой приносить какие-либо новые жертвы, которые могут вергнуть ее в хаос и привести к гибели [21. Р. 303].

¹³ Советский полпред в Варшаве Антонов-Овсеенко в беседе с влиятельным публицистом Матушевским 23 ноября в связи с визитом эскадрильи Райского, предварившего визит посланника Липского к Гитлеру, не преминул заметить о ее схожести с шахматным ходом маршала [41. С. 672].

¹⁴ Медзиньский узнал о предстоящем демарше только за несколько часов, Бек призвал его и предложил держать аппарат наготове, потому что произойдет такое-то действие. Но и Бек еще не знал, каковы будут результаты демарша Липского [41. С. 670].

ЛИТЕРАТУРА

1. Pobóg-Malinowski W. Parę uwag o wojnie, której nie było // *Kultura* (Paryż). 1949. 2 (19).
2. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza polityczna historia Polski. T. II. Cz. I. Londyn, 1961.
3. Bregman A. Gdyby w roku 1933 usłuchano J. Piłsudskiego // *Kultura* (Paryż). 1949. № 15.
4. Lepecki M.P. Marszałek Piłsudski i przewidywana w roku 1933 wojna z Niemcami // *Wiadomości* (Londyn). 26.06.1949.
5. Batowski H. O pewnym nieporozumieniu historycznym // *Życie Literackie*. 1957. № 297.
6. Batowski H. W sprawie artykułu Tadeusza Kuźmińskiego o wojnie przewencyjnej // *Najnowsze dzieje Polski*. 1962. № 5.
7. Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.
8. Kuźmiński T. Wokół zagadnień wojny przewencyjnej w 1933 r. // *Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914–1939*. Warszawa, 1960. T. 3.
9. Zgórniak M. Sytuacja międzynarodowa Polski na początku lat trzydziestych XX wieku // *Przegląd Historyczny*. T. LXVI. Zesz. 2. 1975.
10. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965.
11. Wojciechowski M. Polska i Niemcy na przełomie lat 1932–1933 // *Roczniki historyczne*. T. XXIX. Poznań, 1963.
12. Ciałowicz J. Tajemnica wojny przewencyjnej // *Za i Przeciw*. 27.08.1958.
13. Jędrzejewicz W. Sprawa wojny przewencyjnej z Niemcami w 1933 r. // *Zeszyty Historyczne*. 1966. № 10.
14. Putkiewicz W.M. Wojna przewencyjna w polityce Józefa Piłsudskiego // *Ideologia i polityka Józefa Piłsudskiego*, pod red. T. Romanowskiego. Warszawa, 1988.
15. Karski J. Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Od Wersalu do Jałty. Poznań, 2014.
16. Moczulski L. Wojna przewencyjna, czy Piłsudski planował najazd na Niemcy? Warszawa, 2017.
17. Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019.
18. Roos H. Polen und Europa: Studien zur polnischen Außenpolitik 1931–1939. Tübingen, 1957.
19. Hildebrand K. The Foreign Policy of the Third Reich. London, 1973.
20. Schmidt R. Die Außenpolitik des Dritten Reiches 1933–1939. Stuttgart, 2002.
21. Wandycz P.S. The Twilight of French-Eastern Alliances 1926–1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton (New Jersey), 1988.
22. Wandycz P.S. Trzy dokumenty. Przyczynek do zagadnienia wojny przewencyjnej // *Zeszyty Historyczne*. Paryż. 1963. T. III.
23. Wandycz P.S. Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku // *Zeszyty Historyczne*. Paryż. 1970. T. XVIII.
24. Михутина И.В. Советско-польские отношения 1931–1935. М., 1977.
25. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.
26. Морозов С.В. Игры теней в европейской международной политике в 1930-е гг. // *Великая Победа. Интернет-проект / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова*. Т. II. Канун трагедии. МГИМО (Университет) МИД России; РВИО; 2015. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/25/13fb884c8de6061db2f2bb77d9c477810e534896.pdf> (дата обращения 06.08.2020)
27. Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 84–88. DOI: 10.17223/15617793/412/14
28. Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). М., 2017.
29. Морозов С.В. Как документ из архива А.И. Гучкова помог товарищу И.В. Сталину // *Экономические стратегии*. 2017. № 1. URL: http://www.inesnet.ru/es_magazine/latest-issue/ (дата обращения: 06.08.2020)
30. Морозов С.В. Как Пилсудский, гитлеровцы и самураи нападение на СССР готовили // *Свободная мысль*. 2017. № 1. URL: <http://svom.info/entry/708-kak-pilsudskij-gitlerovcy-i-samurai-napadenie-na-s/> (дата обращения: 06.08.2020)
31. Морозов С.В. Польша и Восточный пакт // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 4. URL: <http://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/2310> (дата обращения 06.08.2020)
32. Dziennik Ustaw. 1926. # 114. Poz. 662 // Internetowy system aktów prawnych. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19261140662> (дата обращения 27.08.2020)
33. Kamiński M.K., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. Warszawa, 1998.
34. Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. V. М., 1933.
35. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960.
36. Lipski J. Stosunki polsko-niemieckie w świetle aktów norymberskich // *Sprawy Międzynarodowe*. 1947. № 3.
37. Le Temps. 11.01.1933.
38. Documents Diplomatiques Français 1932–1939. Sér. I. T. II. Paris, 1966.
39. Wandycz P.S. Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku // *Zeszyty Historyczne*. Paryż. T. XVIII. 1970.
40. Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938. Poznań, 1967.
41. Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970.
42. История дипломатии. Под ред. В.П. Потемкина. Т. 3. М.; Л., 1945.
43. Dziariusz i teki Jana Szembeka. T. I. Londyn, 1964.
44. Архив внешней политики РФ. Ф. «Референтура по Польше». Д. 28. Оп. 17. Папка 167-а.
45. Centralne Archiwum Wojskowe. Generalny Inspektorat Sił Zbrojnych. T. 254.
46. Documents on German Foreign Policy. Ser. C. Vol. III. Washington, 1959.
47. *Wiadomości* (Londyn). # 129. 1949.
48. *Świat*. 1962. # 37(582).
49. *Известия*. 1933 г. 5 мая.
50. *Известия*. 1933 г. 6 мая.
51. Smogorzewski K. Czy dziejowy zwrot w stosunkach polsko-niemieckich. Poznań, 1934.
52. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. C. Vol. I. Washington, 1957.
53. Laroche J. La Pologne de Piłsudski: souvenirs d'une ambassade. Paris, 1953.
54. Documents Diplomatiques Français 1932–1939. Sér. I. T. VI. Paris, 1972.
55. Jędrzejewicz W. The Polish Plan for 'a Preventive War' against Germany in 1933 // *Polish Review*. 11.1.1966.
56. Zaufal J. Misja Ludwika Hjeronima Morstina // *Niepodległość*. 8. 1972.
57. Lapter K. Pakt Piłsudski-Hitler. Warszawa, 1962.
58. Сборник документов по международной политике и по международному праву. М., 1936. Вып. X.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 сентября 2020 г.

On the Failed Preventive War of Marshal Piłsudski Against Germany in 1933

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 160–169.

DOI: 10.17223/15617793/471/19

Stanislav V. Morozov, Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: morozov_s@bsu.edu.ru / roland60@mail.ru

Keywords: threat of preventive war; Piłsudski's blackmail of Hitler; Fuhrer's "Eastern" plans.

The article discusses the problem of the so-called preventive war, with the threat of which Marshal Piłsudski blackmailed Chancellor Hitler in the spring and autumn of 1933. The author of the article aims (1) to conduct a discussion with foreign historiography, primarily Polish, that is mostly inclined to deny Piłsudski's readiness to use force; (2) within the framework of this discussion, to put forward a hypothesis that the reason for Germany's withdrawal from the League of Nations in October 1933, as well as the subsequent sudden proposal of Hitler to conclude non-aggression pacts to France and Czechoslovakia, was the disclosure, shortly before these events, in Berlin of a Polish spy network that had stolen the German mobilization plan; (3) to show that a kind of an overarching goal of Piłsudski's blackmail was to push Berlin onto the path of negotiations on including Poland in the legal field of the Fuhrer's "eastern" plans, outlined by the so-called behind-the-scenes Locarno strategists. The marshal's use of the line of force was of a phased and schematic nature: one can consider the adventures with the destroyer Whirlwind and the landing on Westerplatt as a kind of a preliminary test of strength that brought the first fruits – concessions from the great powers. After the publication in December 1932 of the so-called "pact of five powers" and the subsequent decision of Piłsudski on rapprochement with Germany, this line – the concept of conducting a preventive war – was shaped and strengthened. One can consider the publication of the draft Pact of Four as a trigger for implementing the line. In the spring and autumn of 1933, the line was enforced in several stages, which had a pronounced schematic character: 1) a demonstrative proposal to France to conduct a preventive war, 2) a demonstrative saber-rattling, 3) demonstrative veiled overtures with Moscow, 4) presentation of an ultimatum to Berlin. In the course of the study, the author identified and substantiated an episode completely ignored by Polish experts on this problem – the disclosure in the autumn of 1933 of a Polish spy network in Berlin that stole the German mobilization plan. This provoked an emotional reaction from Hitler, who withdrew Germany from the League of Nations and offered non-aggression pacts to France and Czechoslovakia. However, the Fuhrer did not manage to break out of the marshal's tenacious grip – using the well-known four-way scheme, the latter managed to include Poland in the eastern plans of the former by concluding the Lipsky-Neurath declaration of January 26 and the secret Hitler-Piłsudski treaty of February 25, 1934. The secret cooperation between Warsaw and Berlin in the field of preparing an attack on the USSR, which, according to the marshal, should have led to the re-creation of Greater Poland at the expense of the partition of Russia, continued throughout 1934, with the Japanese military taking an active part in it.

REFERENCES

1. Pobóg-Malinowski, W. (1949) Parę uwag o wojnie, której nie było. *Kultura* (Paryż). 2 (19).
2. Pobóg-Malinowski, W. (1961) *Najnowsza polityczna historia Polski*. T. II. Cz. I. Londyn.
3. Bregman, A. (1949) Gdyby w roku 1933 usłuchano J. Piłsudskiego. *Kultura* (Paryż). 15.
4. Lepecki, M.P. (1949) Marszałek Piłsudski i przewidywana w roku 1933 wojna z Niemcami. *Wiadomości* (Londyn). 26.06.1949.
5. Batowski, H. (1957) O pewnym nieporozumieniu historycznym. *Życie Literackie*. 297.
6. Batowski, H. (1962) W sprawie artykułu Tadeusza Kuźmińskiego o wojnie przewencyjnej. *Najnowsze dzieje Polski*. 5.
7. Kozęński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938*. Poznań.
8. Kuźmiński, T. (1960) Wokół zagadnień wojny przewencyjnej w 1933 r. In: *Najnowsze dzieje Polski. Materiały i studia z okresu 1914–1939*. T. 3. Warszawa.
9. Zgórnjak, M. (1975) Sytuacja międzynarodowa Polski na początku lat trzydziestych XX wieku. *Przegląd Historyczny*. LXVI (2).
10. Wojciechowski, M. (1965) *Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938*. Poznań.
11. Wojciechowski, M. (1963) Polska i Niemcy na przełomie lat 1932–1933. *Roczniki historyczne*. XXIX. Poznań.
12. Ciałowicz, J. (1958) Tajemnica wojny przewencyjnej. *Za i Przeciw*. 27.08.1958.
13. Jędrzejewicz, W. (1966) Sprawa wojny przewencyjnej z Niemcami w 1933 r. *Zeszyty Historyczne*. 10.
14. Putkiewicz, W.M. (1988) Wojna przewencyjna w polityce Józefa Piłsudskiego. In: Romanowski, T. (ed.) *Ideologia i polityka Józefa Piłsudskiego*. Warszawa.
15. Karski, J. (2014) *Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Od Wersalu do Jalty*. Poznań.
16. Moczulski, L. (2017) *Wojna przewencyjna, czy Piłsudski planował najazd na Niemcy?* Warszawa.
17. Rak, K. (2019) *Polska – niespełniony sojusznik Hitlera*. Warszawa.
18. Roos, H. (1957) *Polen und Europa: Studien zur polnischen Außenpolitik 1931–1939*. Tübingen: Mohr.
19. Hildebrand, K. (1973) *The Foreign Policy of the Third Reich*. London: B.T. Batsford Ltd.
20. Schmidt, R. (2002) *Die Außenpolitik des Dritten Reiches 1933–1939*. Stuttgart: Klett-Cotta Verlag.
21. Wandycz, P.S. (1988) *The Twilight of French-Eastern Alliances 1926–1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
22. Wandycz, P.S. (1963) Trzy dokumenty. Przyczynek do zagadnienia wojny przewencyjnej. In: *Zeszyty Historyczne*. T. III. Paryż.
23. Wandycz, P.S. (1970) Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku. In: *Zeszyty Historyczne*. T. XVIII. Paryż.
24. Mikhutina, I.V. (1977) *Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1931–1935* [Soviet-Polish Relations of 1931–1935]. Moscow: Nauka.
25. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoy "ravnodalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939 What was hidden behind the policy of "equidistance" of Minister J. Beck]. Moscow: Moscow State University.
26. Morozov, S.V. (2015) Igra teney v evropeyskoy mezhdunarodnoy politike v 1930-e gg. [Shadow plays in European international politics in the 1930s]. In: Naryshkin, S.E. & Torkunov, A.V. (eds) *Velikaya Pobeda. Internet-proekt* [The Great Victory. An Internet project]. Vol. II. [Online] Available from: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/25/13fb884c8de6061db2f2bb77d9c477810e534896.pdf> (Accessed: 06.08.2020).
27. Morozov, S.V. (2016) On the Creation of a Legal Mechanism for "Pushing" Germany to the East in 1925. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 84–88. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/14
28. Morozov, S.V. (2017) "Varshavskaya melodiya" dlya Moskvy i Pragi. *Dokumenty iz lichnogo arkhiva I.V. Stalina, Sluzhby vneshney razvedki Rossiyskoy Federatsii, II Otdela Glavnogo shtaba Voyska Pol'skogo i dr. (1933–1939)* [The "Warsaw Melody" for Moscow and Prague. Documents from the personal archive of I.V. Stalin, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the II Department of the General Staff of the Polish Army, and others (1933–1939)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

29. Morozov, S.V. (2017) Kak dokument iz arkhiva A.I. Guchkova pomog tovarishchu I.V. Stalinu [How a document from the archive of A.I. Guchkov helped comrade I.V. Stalin]. *Ekonomicheskie strategii*. 1. [Online] Available from: http://www.inesnet.ru/es_magazine/latest-issue/ (Accessed: 06.08.2020).
30. Morozov, S.V. (2017) Kak Pilsudskiy, gitlerovtsy i samurai napadenie na SSSR gotovili [How Pilsudski, the Nazis, and samurai prepared an attack on the USSR]. *Svobodnaya mysl'*. 1. [Online] Available from: <http://svom.info/entry/708-kak-pilsudskij-gitlerovtsy-i-samurai-napadenie-na-s/> (Accessed: 06.08.2020).
31. Morozov, S.V. (2017) Poland and the Eastern Pact. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4. [Online] Available from: <http://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/2310> (Accessed: 06.08.2020). (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-80-84
32. Internetowy system aktów prawnych. (2020) *Dziennik Ustaw*. 1926. # 114. Poz. 662. [Online] Available from: <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19261140662> (Accessed: 27.08.2020).
33. Kamiński, M.K. & Zacharias, M.J. (1998) *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939*. Warszawa.
34. People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Union. (1933) *Sbornik dokumentov po mezhdunarodnoy politike i mezhdunarodnomu pravu* [Collection of documents on international politics and international law]. Vol. V. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Union.
35. Tabouis, G. (1960) *20 let diplomaticheskoy bor'by* [20 years of diplomatic struggle]. Translated from French. M: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
36. Lipski, J. (1947) Stosunki polsko-niemieckie w świetle aktów norymberskich. *Sprawy Międzynarodowe*. 3.
37. *Le Temps*. (1933) 11 January.
38. Ministère des affaires étrangères. (1966) *Documents Diplomatiques Français 1932–1939*. Sér. 1. T. II. Paris: Imprimerie Nationale.
39. Wandycz, P.S. (1970) Jeszcze o misji Jerzego Potockiego w 1933 roku. In: *Zeszyty Historyczne*. T. XVIII. Paryż.
40. Pułaski, M. (1967) *Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938*. Poznań.
41. USSR Ministry of Foreign Affairs. (1970) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents on the foreign policy of the USSR]. Vol. XVI. Moscow: Gospolitizdat.
42. Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: GIPL.
43. Szembek, J. (1964) *Diariusz i teki Jana Szembeka*. T. I. Londyn: Polish Research Centre.
44. The Foreign Policy Archive of the Russian Federation. Fund "Referentura po Pol'she" [References on Poland]. File 28. List 17. Folder 167-a.
45. Centralne Archiwum Wojskowe. *Generalny Inspektorat Sił Zbrojnych*. T. 254.
46. German Foreign Ministry Archive. (1959) *Documents on German Foreign Policy*. Ser. C. Vol. III. Washington: U.S. Govt. Print. Off.
47. *Wiadomości* (Londyn). (1949) 129.
48. *Świat*. (1962) 37 (582).
49. *Izvestiya*. (1933) 5 May.
50. *Izvestiya*. (1933) 6 May.
51. Smogorzewski, K. (1934) *Czy dziejowy zwrot w stosunkach polsko-niemieckich*. Poznań.
52. German Foreign Ministry Archive. (1957) *Documents on German Foreign Policy 1918–1945*. Ser. C. Vol. I. Washington: U.S. Govt. Print. Off.
53. Laroche, J. (1953) *La Pologne de Pilsudski: souvenirs d'une ambassade*. Paris: Flammarion.
54. Ministère des affaires étrangères. (1972) *Documents Diplomatiques Français 1932–1939*. Sér. 1. T. VI. Paris: Imprimerie nationale.
55. Jędrzejewicz, W. (1966) The Polish Plan for 'a Preventive War' against Germany in 1933. *Polish Review*. 11.1.
56. Zaufal, J. (1972) Misja Ludwika Hjeronima Morstina. *Niepodległość*. 8.
57. Lapter, K. (1962) *Pakt Pilsudski-Hitler*. Warszawa: WAP.
58. People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Union. (1936) *Sbornik dokumentov po mezhdunarodnoy politike i po mezhdunarodnomu pravu* [Collection of documents on international politics and international law]. Vol. 10. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Union.

Received: 04 September 2020